

18+

Александр Торностаев

*Повествования
о судьбах*

Александр Горностаев
Повествования о судьбах

«Издательские решения»

Горностаев А.

Повествования о судьбах / А. Горностаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-609766-7

Протагонисты рассказов Александра Горностаева из книги, которую вы держите в руках — образцовые «герои нашего времени». А точнее — времени недавнего прошлого, конца XX — начала XIX столетия. Все они, так или иначе, оказываются во власти пресловутого «ветра перемен» (да что там ветра — урагана!) и пытаются бороться с ним — по мере возможностей...

ISBN 978-5-00-609766-7

© Горностаев А.
© Издательские решения

Содержание

АЛЕКСАНДР ГОРНОСТАЕВ	6
Рассказы и повесть	7
ISBN	7
ПОСЛЕДНИЙ ТОРГОВЫЙ ДЕНЬ КАНДИДАТА НАУК	9
УРЗИКА	13
ТРИ СУДЬБЫ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Повествования о судьбах Александр Горностаев

© Александр Горностаев, 2023

ISBN 978-5-0060-9766-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЕКСАНДР ГОРНОСТАЕВ
ПОВЕСТВОВАНИЯ
о судьбах

Рассказы и повесть

ISBN

© Дизайн обложки – _____

© А.П. Горностаев

О ГЕРОЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ И ВРЕМЕНИ КАК ТАКОВОМ

С лёгкой руки классика выражение «герой нашего времени» давно стало нарицательным, не смотря на то, что лермонтовский Печорин как раз обладал «лица не общим выраженьем» и типичным персонажем своей эпохи отнюдь не являлся, будучи одним из звеньев бесконечной цепи образов «лишних людей» в русской литературе. Впрочем, судьбы нашей Родины складывались столетиями так, что ничего необычного в людях, отторгнутых социумом или самостоятельно от него дистанцирующихся, народ не видел, иногда даже жалея многочисленных «белых ворон». Поэтому «герой» определённого исторического периода в нашей традиции – это, как правило, не смирившийся с его течением персонаж, а некто, пытающийся плыть против.

В этом смысле протагонисты рассказов Александра Горностаева из книги, которую вы держите в руках – образцовые «герои нашего времени». А точнее – времени недавнего прошлого, конца XX – начала XXI столетия. Все они, так или иначе, оказываются во власти пресловутого «ветра перемен» (да что там ветра – урагана!) и пытаются бороться с ним – по мере возможностей...

Приправленная лёгкой мистикой реалистическая драма «Последний торговый день кандидата наук» содержит трагедию уже в самом названии. На памяти последних советских поколений чёрным пятном лежит эта позорная реалья – образованные, интеллигентные люди, вынужденно переквалифицировавшиеся в базарных торговков с наступлением новой экономической политики. Нет в сюжете рассказа ничего особенно новаторского ни в форме, ни в содержании, подобными печальными историями были полны газеты и телевизионные сюжеты тех времён, да и в литературе они уже имели отражение. А всё же А. Горностаев находит какую-то свою, особенную интонацию, по-своему преподносит портрет героини. Не просто личная трагедия, но и слом эпох явственно читается в этой истории. Пожалуй, именно так, на примерах личных драм и нужно изучать исторический процесс, чтобы за сухими цифрами потерь и утрат увидеть людей, человека – живого человека с его рухнувшим миром. И уже смерть «торговки поневоле» выглядит избавлением от всего этого чуждого и враждебного ей окружения...

В отличие от ставшей ненужной в новой России профессии преподавателя научного коммунизма из предыдущего рассказа, специальность главного героя рассказа «Журналисты за еду не продаются!» в переходный период была весьма востребованной. Платили, правда, большинству из «акул пера» немного, но скудость жалования с лихвой компенсировалась коротким

периодом почти полной свободы слова и вольным рабочим графиком, позволявшим выживать по принципу «репортёра ноги кормят». Такого «почти свободного» журналиста мы и видим в центре повествования. «Почти» – потому что при всём «разгуле демократии» позднейшего советского и раннего постсоветского времени выпало ему быть корреспондентом провинциального, а значит, связанного многими местечковыми условностями издания. И ещё раз «почти» – потому что у репортёра нашего в самом прямом, а не метафорическом смысле, пустой желудок, что оказывается основой курьёзной, но весьма реалистичной завязки сюжета... Добрый юмор, вообще свойственный А. Горностаеву, в этом рассказе как-то смягчает вечный конфликт между властью и творческим человеком, и в этом тоже завуалированная, но весёлая игра: продлся или не продлся наш герой за шашлык и бутерброды с икрой?

Поймал себя на мысли, что после последней фразы хочется по современной сетевой традиции поставить смайлик. И вообще не ошибусь, если напишу, что при чтении этой книги такие незримые смайлики будут часто возникать у вас в голове – чаще всего не те, которые улыбаются во весь рот-скобку, а такие, чуть грустноватые, будто знающие что-то важное... Это ощущение возникает из-за того, что новая книга Александра Петровича Горностаева – она особенно хороша для человека подготовленного, прошедшего перипетии смутного времени, понимающего недосказанности в тексте, в авторской речи. Впрочем, и как документ эпохи книга имеет немалую ценность.

Сомнительный эпитет для прозаика – «бытописатель». Есть в нём что-то приземлённое, утилитарное... Однако выдающиеся примеры бытописательства в русской литературе, такие, например, как произведения Михаила Зощенко, свидетельствуют о полноценности данного направления беллетристики, о серьёзности его. В «Повествованиях о судьбах» примеров внимательного, чуткого, с большой любовью к персонажам описания быта много. И вы убедитесь, что из бытовых сценок могут произрастать поистине шекспировские страсти, настоящие драмы. Как, например, в рассказе «Последняя аскорбинка», где вокруг немудрёного паке-тика витаминов закручивается сюжет трудного дня человека, балансирующего где-то на грани нищеты. И это не мудрено: бытовое часто и легко переходит в социальное, а частное – в обще-человеческое, если писать об этом честно.

Нашлось место в книге и лирике. Александр Петрович, давно зарекомендовавший себя как тонко чувствующий поэт, и в прозе уделяет отношениям между мужчиной и женщиной много внимания. Рассказы «Урзика» и «Раздражение» – они и о любви, и снова о быте, о кото-рый «разбивается любовная лодка» и много о чём ещё, что говорят и недоговаривают друг другу влюблённые...

Аллегория, гротеск, фантастика – жанры, близкие А. Горностаеву, к которым автор при-бегает часто и по разным поводам. В новой книге есть и эти причудливые миры. Но – не игры воображения для, а всё того же реализма ради. Таковы рассказ «Письмо в жюри конкурса поэтессы Луизы Солнцедаровой» и повесть «На месте разрушенной церкви». Тут мы увидим и сатиру, и критический взгляд на современный литературный процесс, и отголоски «деревен-ской прозы», и... надежду. Всё же – надежду. Робкую, нелепую, как деревенский пьяница или самодеятельная поэтесса, но всё же надежду. Надежда разлита в книге почти незаметным эфи-ром, но она есть, и она и вызывает, наверное, те улыбочки-смайлики между словами и абза-цами...

Ибо надеждой жив человек.

Алексей Бусс

ПОСЛЕДНИЙ ТОРГОВЫЙ ДЕНЬ КАНДИДАТА НАУК

Середина девяностых. Это время для нашего поколения не требует дополнительного описания. В нём есть характернейшие черты, и их ни с чем, ни с каким другим периодом истории, не спутаешь...

Подметала метель и крепчал мороз. На базаре, организованном у памятника Ленину, на площади, на которой раньше проходили парады, не было в тот день нескончаемого потока покупателей. Лошкина Людмила Андреевна мало выручила денег. Газеты в такую непогоду брали редко. Забившись в угол в своём самодельном киоске, сделанном из картонных коробок, продавщица газет в валенках и полушубке грелась периодически чаем из термоса. Или, накутанная шалью до самых глаз, иногда выходила из своего убежища и, приплясывая, разминала ноги. Мороз за двадцать. Многие ларьки и палатки были закрыты. Хозяева берегли себя и не вышли на работу в такую пору. Не открылся и ларёк знакомой Лошкиной – Веры. Она бы могла в нём погреться, но он был закрыт.

Мало на базаре покупателей, тем более – газет. Людмила Андреевна переживала, посматривала по сторонам, не идут ли прохожие мимо. Теперь она уже привыкла к продажам, к своей новой «должности», и не очень стеснялась, когда встречала знакомых. И это были иногда её сослуживцы. Некоторые отворачивались, делали вид, что не замечают её. Она же, некогда преподавательница в институте, доцент кафедры научного коммунизма, теперь продавщица газет, вынужденная подзарабатывать таким образом, не особо осуждала их. Это их дело. Она же всегда не стеснялась и не боялась ни какой работы. И как настоящая не «соломенная» коммунистка готова была по указанию партии на любой, даже неквалифицированный труд. Не считалась белоручкой в молодости, испытав судьбу сироты, да и теперь не опустила руки. Она любила поэзию. Наизусть читала своим студентам Некрасова: «Праздник жизни, молодости годы, я убил под тяжестью труда»... Эта тяжесть труда никогда не была ей в тягость.

Не нужна стала такая кафедра, как «научный коммунизм». После того как уволили Лошкину из преподавателей, не дав дописать и закончить докторскую диссертацию, она попала в сложную жизненную ситуацию. Пенсию, минимальную, платили с перебоями, денег не хватало, а тут ещё посыпались беды одна за одной. Неожиданно умерла единственная дочь, не дожив до сорока лет. Осталась внучка, семнадцатилетняя девушка. Но и она вдруг серьёзно заболела, врачи сказали: требуется операция на сердце. И в этой ситуации не к кому было обратиться бывшему педагогу. Здесь оставалось только уповать на Бога, но в Бога она, как настоящий коммунист, верить не могла. Она решила работать. Но как? Где? Что могло принести доход? Новые правители расхваливали коммерческие отношения, и она решила их попробовать на себе. В редакции газеты «Коммунист», где она раньше сотрудничала как внештатный корреспондент, предложили ей работу по распространению газеты. Издательство некогда областной газеты существовало теперь на полуполюгальном положении, не жаловали его новые власти, а распространители нужны. Можно было немного заработать. По крайней мере, на гонорарах зарабатывать не удавалось. Их просто не платили. Людмила Андреевна быстро осваивала новую свою профессию. Вскоре она связалась с другими редакциями и стала продавать и их издания: «Кому что», кроссворды и тому подобное.

Она ходила по трамваям и троллейбусам, предлагала газеты в электричках и поездах. Но всё-таки быть постоянно на ногах её шестидесятилетнему организму не очень здоровой женщины стало тяжело. И поэтому она обрадовалась предложению бывшей своей студентки Веры, тоже вынужденно начавшей торговать. Та предложила продавать газеты рядом с её точкой. Встретила она Веру случайно в трамвае. Та не стала отворачиваться от беды бывшего кандидата наук, сама прошедшая невзгоды этого характерного периода жизни людей страны. Они поговорили и сошлись на том, что будут хорошо продаваться газеты рядом с торговым

местом по продаже одежды, чем и промышляла Вера. Она уже была солидный предприниматель, имела оборотный капитал и оборачивала деньги, можно сказать, как опытные воротила бизнеса. Правда, не настолько, чтобы взять кого-либо на содержание. В общем, Вера предложила торговать бывшей наставнице на своей территории. И Лошкина с благодарностью пользовалась этим. Хотя и ходить по трамваям и электричкам не перестала. Она зарабатывала, она не отступала перед невзгодами, она стремилась откладывать деньги на операцию. Иногда даже за счёт приобретения пищи для самой себя.

В этот день время шло медленно, мороз крепчал. Потихоньку стали расходиться по домам торгощи. До конца рабочего дня никто не собирался оставаться. Лошкина всё ждала покупателей. Ей не хотелось уходить, так без денег. И она думала, что хотя бы заработает сегодня на еду. А придёт без хлеба и молока она, – как посмотрит на неё Леночка, внучка, которой надо хорошо питаться? Она представила её голубые глаза. И столько печали бы было в них, что трудно перенести этот взгляд любящему сердцу. Нет, Леночка, не стала бы её укорять за отсутствие еды, но допустить какое-либо неудобство своей внучке, – это было тяжело для бабушки. Заболела вот её любимица, и неизвестно, как ей помочь. Думала Людмила Андреевна об этом, похлопывая руками в рукавицах, и порой про себя цитировала Некрасова: «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои».

Но не мороз собственной персоной подошёл к самодельному киоску газет, а какая-то, увиденная в первую минуту, шапка, – огромная, рыжая, остановилась прямо перед выложенными на картонных ящиках газетах. За этой шапкой сразу не разглядишь лица, но Лошкина поняла одно, что пришёл покупатель и внутренне обрадовалась: «Наконец-то».

– Вы хотите газеты? Кроссворды, «Коммунист»?

– Да мне... – сказала шапка и подняла глаза на продавщицу, открыла лицо. На какое-то время человек, кому принадлежала шапка, замер, всматриваясь в то, что оставалось от физиономии Людмилы Андреевны, скрытой и укрытой платком, шарфами, воротником полушубка...

– Людмила Андреевна, это вы? – спросила шапка.

Лошкина тоже всмотрелась в оставленное пространство лица, не скрытое этим импозантным головным убором.

– Юра, – обрадованно сказала преподавательница, тоже узнав бывшего своего студента. – Ты как? Ты где? Давно тебя не видела.

– Да у меня всё хорошо. Устроился... Я сейчас перешёл работать в областную администрацию...

– Растёшь. Ты был всегда перспективным, таким целеустремлённым. Я за тебя рада...

Да, это был её ученик. Юрий Кречетов. И она как хороший педагог помнила многих своих учеников. И даже вспоминала, чем они отличались, будучи студентами. Юра был преуспевающим, любопытным, комсорг института, во всём хотевшим увидеть и понять смысл. Хотя порой наивные его рассуждения заставляли внутренне улыбаться умудрённого опытом педагога. Л. А. помнила, как смешно доказывал Юра про коммунизм, рассуждая о потребностях и способностях народа, он утверждал идею о ненужности разнообразия в одежде. Все должны ходить в одной форме. А все усилия производства должны быть сосредоточены на покорении космоса... Но что он теперь думает об этом, одетый в модную импортную кожаную куртку, джинсы и иностранную обувь? Раньше он с интересом слушал объяснения своей учительницы. А что же теперь у него в голове, на которую надета огромная меховая шапка? Разглядывала бывшего своего студента Лошкина. словно бы желая за внешним обликом человека увидеть его сегодняшнюю внутреннюю сущность. Разве это возможно? Но а сама она разве не настолько скрыта от мира, что не доберёшься до сокровенного? До мыслей её и откровений сейчас не докопаешься. словно за этой накуленной на ней одеждой нельзя рассмотреть, увидеть, как настоящего лица, истинные чувства и мысли.

Юра тоже разглядывал Лошкину. Как она не была похожа теперь на ту требовательную и всё-таки любимую студентами преподавательницу! И он первым нарушил неожиданно возникшую паузу в разговоре.

– Людмила Андреевна, почему вы здесь... газетами торгуете?..

– Да я давно уже подрабатываю. Ты же, наверное, знаешь, что меня убрали из преподавателей, не дали защитить докторскую диссертацию.

– Да я это слышал. Но так трудно с финансами?

– Есть необходимость. Подрабатываю потихонечку.

Л.А. не хотела рассказывать о настоящих своих проблемах. Не могла предстать в некоем жалком виде перед своим учеником – пусть хотя бы в каком-то духовном плане, ведь о её материальном положении можно было судить по внешности. Да, она у бывших знакомых, влиятельных и теперь, не хотела просить помощи. Было это неудобно, некстати, да и как-то стыдно. Многие изменились до неузнаваемости. Что их просить? Другие её соратники, с которыми всё-таки не прервалась связь, даже и не знали о её трудностях. Да ведь многим тяжело. Что рассказывать о своих проблемах?

– Людмила Андреевна, – сказал Юра, понимая, что откровенничать не хочет бывшая его преподавательница, – если у вас трудности, вам бы могли помочь. Вы могли бы и в администрации где-нибудь устроиться...

– Что ты Юра! Там теперь только демократы...

– Да какие демократы! Сплошь все бывшие коммунисты.

– Им, наверное, легко менять свои взгляды.

– Людмила Андреевна, я сейчас спешу. Но нам надо как-нибудь встретиться. Вы дайте номер телефона или адрес. Я найду вас.

– Да ты, Юра, если что, приходи сюда. Я теперь здесь днём почти всегда.

– Хорошо, – сказал Юра, и начал прощаться. Пошёл по направлению к автомобильной стоянке. Он думал на ходу, ёжась от мороза, о том, как помочь человеку. Он ещё не потерял своих иллюзий о возможности справедливых отношений между людьми. Хотя служба на новых должностях не укрепляла у него веру в человечество.

Он вспомнил, на ходу поднимая воротник куртки, одно литературное произведение, которое давно читал. Об интеллигенции. После Октябрьской революции некий профессор, чтобы как-то прокормиться, торговал на базаре спичками. Л.А. напоминала того профессора. Но всё-таки по сюжету той книги учёный был востребован новой властью, и ему нашлась работа. Сопоставлял то и это время Юра и уходил по своим административным делам. Думал он, наверное, что и новой власти нужны умные и знающие люди. Но как всё не совпадает с тем, чему его учили! «Вот он, капитализм, – размышлял Кречетов. – И ни какого не надо научного выжимания пота из трудящихся, чтобы они сами, будто бы по своему желанию, не были бы готовы даже замёрзнуть ради куска хлеба. А почему же не состоялся, Людмила Андреевна, – мысленно обращался к бывшей наставнице Юра, – этот философский переход количества в качество, чему вы учили? Наоборот, всё пришло к краху». И вспомнилось ему стихотворение Некрасова, которого любила читать студентам Л.А. «Кто живёт без печали и гнева, тот не любит отчизны своей...»

А Лошкина смотрела вслед бывшему своему студенту, и только когда большая его шапка замелькала совсем далеко между припаркованных машин, она вспомнила, что так и не продала ему газеты.

На базаре закрывались немногочисленные работающие ларьки и палатки. Холодно стоять на посту доходов, и торговые помещения – не отапливаемые. Л.А. решила ещё поработать, не уходить с базара. Забилась в свою конуру из картонных коробок и вроде бы как согрелась. Из соседнего ларька крикнули:

– Андреевна мы все уходим, собирайся, одна остаёшься.

– Идите, я ещё посижу, – ответила им продавщица газет.

Она сидела и думала об этом сегодняшнем посещении её бывшим студентом. Поможет он ей? Но чем? Целой стране никто ничем не поможет.

Впрочем, Л.А. старалась последнее время не рассуждать о текущих процессах в стране, в обществе, в мире. Слишком болезненны были её рассуждения для собственного сердца. А в свете её обиды на весь учёный мир, лишивший её возможности закончить работу всей жизни, всякие размышления вызывали душевную боль.

Она отвлекалась на что-нибудь другое, лишь бы не думать об этом. А теперь она сидела неизвестно сколько времени. Тьма уже накрыла торговые площади.

Лошкиной показалось: стало совсем тепло. И какие-то светлые видения ей начали то ли мерещиться, то ли возникать в памяти. Вдруг она увидела себя в детстве. Будто бы она в платьице в горошек на лужайке с матерью... А вот она в школе читает стихи любимого Некрасова: «Там били женщину кнутом, крестьянку молодую...»

А потом она увидела мужчину седовласого с белой бородой. Может быть, это некрасовский Мороз, Красный нос? Ведь на самом деле мороз только усиливался. Нет, неожиданный гость показался знакомым.

– Людмила, – сказал старец, – тебе пора собираться.

Л.А. всмотрелась в говорящего.

– Пётр Алексеевич, – узнала она руководителя своей дипломной работы в институте, в далёкие времена, сорок лет назад... Но этого не могло быть. – Вы как здесь оказались?

– Я за тобой, – сказал Пётр Алексеевич.

– Но почему? Вы же... умерли, – страшная догадка мелькнула в голове Л.А. – Я что? Тоже умерла?

– Не пугайся так. Все люди умирают. Пойдём.

– Куда?.. К нему? Но его же нет? Не существует...

– Не всё так просто, как кажется.

– Да, вы всегда так говорили. Это ваша приговорка. Значит, это вы на самом деле...

Пётр Алексеевич повернулся спиной и пошёл куда-то вдаль. Даже не пошёл, а казалось, поплыл. Не могла противиться Л.А. его призыву. И пошла вслед за широкой спиной своего наставника. Всё казалось пустынным и тихим. Будто бы никого не было не только на базаре, но и в стране, в мире...

Но мир был и существовал – по не постижимым каким-то законам, не вписываясь в рамки и умозаключения людей...

УРЗИКА

Петров собирался на свидание. Покрутился перед зеркалом, таким небольшим стеклом, поставленным на банный котёл. В постройке, предназначенной для бани, он жил в одиночестве. Обитал тут всё тёплое время года. Пребывал преспокойно, избавившись из-под присмотра родителей, с которыми он вообще-то жил в частном доме. Немного тесновато помещение бани, зато свобода. Дом же находился отдельно, в нескольких шагах. Как-то так повелось, не использовалось помещение по назначению, мытьём тел в бане никто не занимался, она пустовала. Вот Петров и приспособил её. И отсюда ходил на свидания, мог возвратиться поздно. Никто не контролирует его поздние возвращения. Красота...

Петров собирался на свидание. Неоднократно они уже встречались с Лидой. Но он всегда ждал этих моментов их общения... Оглядывал себя ухажёр. Вполне его устраивала собственная физиономия. Построил рожи перед зеркалом, оценил правильные черты лица, подвигал широкими плечами. Лиде он должен был нравиться. Ну, а как по-другому? Он и умный, начитанный и вполне спортивный, капитан команды своего факультета в институте. А для него – что она? С такой девушкой пройтись мимо приятелей – высший шик, умрут от зависти однокашники, которым он пока не сообщал о своём романе. Однако где-то в глубине души, лежали сомнения и отдавал отчёт себе Александр Петров, что немного странно: как так, Лида встречалась с ним, принимала ухаживания, подолгу общалась, хотя ничего ему и не позволяла? Ведь если быть честным перед собой до конца, чувствовал он себя как бы ей неровня. Ну что он, по большому гамбургскому счёту, шалопай-студент третьего курса, гораздый на всяческие шалости и проделки, склонный погулять и развлечься... В общем, такой индивид, ещё не вышедший из детского возраста. И она... Правильная и серьёзная дама, давно зарабатывающая хлеб самостоятельно, трудясь на производстве.

Да, тесноватое помещение бани с его невысокими потолками было, тем не менее, уютно, и, как полагал Петров, здесь можно организовать настоящие встречи, а не только обособленно жить. Бывало, он общался со своими однокашницами в интимной обстановке уединения на территории студенческого общежития, общение это заканчивалось, как правило, известно чем... Но сюда, в свою особую обитель, он пока никого завлечь не мог и, в общем-то, не хотел. Берёг для особого случая. «Вот бы, – думал он, — если сюда пришла Лида!» Он давно ей хотел предложить, но пока не решался. А только фантазировал, как они расположатся на этой, стоящей посередине помещения, кровати, будут разглядывать наклеенные по всем стенам журнальные фотографии красивых женщин и мужчин. Петров их здесь специально наклеил: для антуража, для ощущения праздничной обстановки, которой должны интересоваться девушки. И, конечно же, они потом займутся понятно чем. От этих фантазий и представлений у Петрова сильно начинало колотиться сердце.

Лида была, если сказать привычными фразами, с точки зрения обыденного сознания, настоящей шикарной женщиной. Хотя, может быть, не бросалась её красота сразу в глаза, как с подмостков подиумов у моделей, но вся её такая ладная фигура, с правильными очень женственными формами не могла не притягивать мужские взоры. Но она не демонстрировала эту красоту, как некоторые недалёкие девицы, стремящиеся на всякие самые высокие подмостки. По сравнению с его однокурсницами, чаще всего выглядящими как пацанки, Лида была притягательно-женственна. Она по национальности – гуцулка. Но только немного как бы загорелый цвет кожи выдавал в ней уроженку карпатских высот. Да иногда в разговор вставляла она слова из своего родного языка. Невзначай, нечаянно. По возрасту Лида была его ровесницей и даже на несколько месяцев старше.

Порой ему казалось, что он не только жаждет обладать Лидой, как мужчина красивой женщиной, но и какое-то настоящее нежное чувство находилось в его душе по отношению

к ней. Он думал о ней с теплотой, он стремился и торопился на встречи. Он всегда её вспоминал и ловил себя на мысли, что думает о ней как о родном человеке....

В тот раз они пошли, кажется, просто погулять... Но они ходили в театр и в кино. На места для поцелуев она не соглашалась. Да просто ему ничего не разрешала. Не то чтобы подержаться за интересные принадлежности тела, но даже поцеловать себя не позволяла.

Ходили они, гуляли. Не форсированный роман какой-то, застрявший на первой стадии своего развития – периоде держания за ручку... Однажды возвращались из кино. Решили глубокой ночью посидеть на лавочке. Фонари не горели, тусклый свет луны лишь освещал местность. Видя жуткую обстановку вечера, она ему шутя говорит: «А ты меня спасёшь, если нападут хулиганы?» «Ну не знаю, сколько там их будет, может лучше убежать». Она смеялась: «Вот, оказывается, какой ты защитник». Он держал её за руку. Перебирал пальчики, находиться с ней было приятно и волнующе. И сказал в порыве нахлынувшего красноречия: «Давай, я начну рассказывать тебе про звёзды». И она, так иронично, ответила: «Что ж, сейчас самая пора мне вешать лапшу на уши». Она смеялась. И он, подыгрывая, ничего не нашёл лучшего, как лечь головой к ней на колени и растянуться на лавочке. И начал, как заправский звездочёт всматриваться в небо. Мимо шёл патруль полиции. Увидели лежащего гражданина на скамейке. Подошли и стали задавать вопросы. Лида как бы бросилась (на словах) защищать своего спутника. «Ну и что, что он лёг, устал человек. Идите, ловите бандитов». И полицаи, правда, отстали от «нарушающего» порядок, будто бы пошли ловить жуликов.

– Оказывается, – сказал Петров, – от хулиганов пока ты меня защищаешь.

Порой они находили развлечение в переводе русских слов на «гуцульский»: он пытался изучать её родной язык. Петров смеялся над словами, казалось, смешно звучит этот перевод с русского на её языке. И в такой обстановке, некой расслабленности и эйфории общения, Петров, всё-таки, однажды предложил ей посетить его место для встреч. Он как бы запросто так, между переводами слов, ей сказал: «А пойдём, посидим у меня. Я живу летом в бане. Такая хорошая обстановка»

– Нет, – сказала она

– Почему?

– Просто – нет.

– Но мы с тобой встречаемся уже два месяца, а даже ни разу не поцеловались.

– Если бы я тебя любила...

Как-то случайно он опустил руку за скамейку, на которой они сидели, и неожиданно обжёгся: оказывается, под сиденьем росли кустики крапивы.

– Эх, да здесь растёт крапива!.. – сказал он, потирая обожжённую руку. И через минуту спросил:

– А как на твоём языке крапива?

– Урзика.

– О, интересное слово, – почесал руку, сказал потом: – Я буду звать тебя урзикой.

– Почему?

– Так обжигает ты меня... постоянно.

Тогда как бы у них произошла размолвка. И шёл он от общежития Лиды до своего обиталища не столько обиженный, сколько расстроенный. Дорога была недолгая, минут пятнадцать пешком. Он проходил мимо невысоких двухэтажных зданий, частных гаражей, заходила в жилой сектор одноэтажных домов. Петров брёл задумчивый, и в голове у него крутилась эта злополучная фраза: «Если бы я тебя любила». «Да кто тебе мешает, будто бы нельзя меня любить...»

Он решил на какое-то время не приходить к ней. Как-то это для мужского его самолюбия было обидно. Не получать желаемого длительное время. Да и, может, она с кем-то другим встречается по-настоящему, а с ним только так, провести время.

Но однажды, после долгого перерыва, он всё-таки пришёл к Лиде в её общежитие. Застал её в печальном состоянии. Встретив его, она села на кровать, наклонила голову и чуть ли была не на слезах. Вначале он, только войдя, пытался отпускать привычные шуточки, на которые она раньше отвечала улыбками и смехом. Но видя её настроение, осёкся.

– Что случилось? – переменяв тон, спросил Петров, быстро осознав не уместность своей игривости.

– Не знаю, – сказала Лида, – надо это тебе: мои проблемы... У меня сестра сильно болеет. Нужна срочная операция. Она с тремя детьми живёт в деревне. А муж, пьяница, не отпускает её в город. Она просит меня, чтобы я приехала, забрала её. А как я могу её забрать? Не знаю, что делать...

Задумался Петров. Пришёл он вроде бы так, как просто друг: с шуточками и прибауточками, не претендуя уже, как раньше, на роль парня Лиды. Но, видя, что ей нужна помощь, перестал кривляться. И серьёзно спросил:

– А куда и когда нужно ехать?

– Собираюсь завтра, ехать часов пять... Не знаю, как я буду там одна...

Петров понял, такой скрытый намёк Лиды, и, недолго думая, откликнулся:

– Я завтра мог бы поехать. День у меня, вроде бы, свободный.

– Ты, правда, можешь поехать со мной? Было бы здорово...

– А что мне делать? Могу прогуляться...

Для Лиды эта помощь была как нельзя кстати. Не к кому ей больше обратиться, а нужно было ехать, спасти сестру от смерти, и ехать одной в глухую деревню тоже просто страшно.

– Оставайся тогда сегодня у меня, – говорила Лида, просто без пафоса и волнения. – Завтра рано автобус уходит. Нужно успеть на первый, на шесть утра. Сегодня все мои сожительницы разъехались, так что никого не будет. Можешь спать на соседкиной кровати.

Неожиданный поворот событий мог породить в сумасбродной голове Петрова разные фантазии. Но не совпадали они с Лидиными замыслами.

Они легли. Каждый на своей кровати. Долго разговаривали... Так ни о чём. Но и о важном: завтра ведь предстояло трудное мероприятие. И как оно закончится – не предсказуемо. Что там за муж сестры, который не отпускает её на операцию? А ещё бывает, поднимает руку. Но за всеми этими проблемами не забывал Петров пытаться перейти... на кровать Лиды. Та даже посидела с ним минутку рядом на его ложе. Но больше ничего не разрешила. Какие бы попытки и слова не пытался найти студент.

Утром они умывались, завтракали, шутили, как добрые старые товарищи... или семейная пара?

В автобусе Петров дремал, склонившись на плечо Лиды. И она не возражала, только постаралась, чтобы было ему удобнее.

От автобусной станции до места, где жила сестра Лиды, несколько километров пути. Шли они долго.

В той деревне, куда они прибыли, было сумрачно и жутковато. С тяжёлым взглядом встретившаяся среди редких прохожих женщина сказала, где дом той, кого они ищут. В доме их встретила на вид старушка, с лицом, каких много на Руси у русских матерей: с добрыми глазами, в которых словно отражены бесчисленные испытания судьбы, заботы и тревоги, не сходящие с лица. Так что может просто показалось, было первым впечатлением, что живут здесь не добрые люди. Женщина не долго говорила, а сразу проводила к Марьяне, к сестре Лиды, которая находилась в другой комнате – со всем своим многочисленным потомством.

Они вошли к ней: в помещение с голыми, без половиков и ковров крашеными полами, с обшарпанными обоями на стенах. Марьяна, увидев сестру, обрадовалась неопишимо. Так радуются люди, к которым пришли на помощь. Петров отметил про себя, что у сестры его знакомой была, как и говорила Лида, щитовидка: правая сторона лица сильно распухла, и студент

понимал, что болезнь, судя по всему, запущена. После радости общения с сестрой, Лида сказала женщине, встретившей их, что хотят забрать Марьяну в город на операцию. Это была мать мужа сестры, и вроде бы она должна быть на стороне своего сына. Но она сразу ответила, что давно говорит – надо вести Марьяну в город, но Михаил ничего не слушает, он боится, что она больше не приедет к нему, и потому не отпускает. Неожиданно все три женщины обратились, как сговорившись, к Петрову – с просьбой поговорить с Михаилом.

– Скажи ему, – говорила Марьяна, – что ты жених Лиды, и у тебя есть в городе знакомый доктор, что может мне помочь...

– В самом деле, Саша, – поддерживала сестру Лида, – скажи так, может, он послушает тебя.

– Да, поговори с ним по-мужски, – вторила мать Михаила. – Только боюсь, как бы не было скандала. Придёт пьяный, в драку полезет...

Студент, конечно же, был озадачен: ни разговаривать, ни тем более драться, он не был настроен, но отступать было нельзя... Михаил пришёл вскоре. Это был верзила, слегка поддачный, с суровым, не улыбающимся лицом. Петров, представившись, позвал его пообщаться без свидетелей, и уже наедине твердо говорил, как учили его женщины, о необходимости лечения в городе его жены. Неизвестно, убедил ли студент деревенского мужика, но Михаил всё выслушав, не сказал ни слова, а куда-то ушёл из дома.

– Ой, – сказала мать Михаила, – наверное, пошёл к друзьям, если вернётся с ними, никуда вам не уехать... Собирайтесь быстрее! Пойдёте огородами, потом на попутках, может, там не догонит...

В минуты собрались женщины. И вышли в путь, опасаясь непредсказуемого развития событий. Они шли и думали, что если, всё-таки, Михаил злобу затаил...

Но не было погони, не было... Пока никто не преследовал. И каждый из взрослых оборачиваясь несколько раз, отмечал это. А небо между тем закрыли тёмные тучи, и начинал накрапывать дождь. Несколько раз дунул сильный порыв ветра, так что чуть не посбивал с ног идущих вереницей людей, дети захныкали. Марьяна несла на руках двухлетнюю девочку, которая уже не могла идти из-за ветра, четырёхлетний пацан держался за юбку, как бывает это у передвигающихся с детьми цыганок. Лида взяла за руки шестилетнего мальчишку и шла впереди, неся ещё одну из сумок Марьяны. Петров замыкал шествие, тоже неся сумку. Был он позади, как будто бы для подстраховки, в случае нападения тех, что могли пуститься в погоню. Хотя, что он мог бы сделать? Начать демонстрировать на бездорожье несусветное каратэ или применять борцовские приёмы в картофельной ботве? Ведь против деревенского заборного кола нет приёма... Но погони не было. Зато начинался настоящий сильный дождь. Он начинался, он усиливался, пока не перешёл в полнейший ливень, про который говорят: льёт как из ведра. Одежды сразу стали мокрыми, никаких зонтиков ни у кого не было. Передвигаться пришлось просто по воде, потому что тонкая линия тропинки между огородами превратилась в сплошной ручей. Петров подхватил на руки, тащившегося еле-еле за матерью пацана, который начал уже реветь. И они шли все мокрые, оглядываясь, боясь, что муженёк Марии бросится в погоню. Прошли они километра полтора огородами, потом ещё немного до асфальтовой дороги. Никто их не преследовал. Этот, сильно мешавший им идти, ливень, в конце концов, спас от погони. В такую погоду, видно, никому не хотелось выходить из дома. А спасшимся от возможного преследования нужно ещё было преодолеть несколько километров до автобусной станции. Они пытались ловить попутные машины. Редкие автомобили шли, разливая лужи, обдавая порой грязными брызгами взрослых и детей. Петров иногда посматривал на Лиду. Она, хотя и была не в меру озабочена происходящим, пыталась уговаривать старшего племянника вести себя как взрослые, но привлекательности своей не теряла. И студент невольно любовался на её фигуру в платье, прилипшем к телу, особенно подчёркивающим все её прелести. Но ей было, кажется,

совсем не до того, чтобы обращать внимание, какое впечатление она производит на своего друга.

Нужно было остановить попутку. Но ни одна машина не горела желанием подвести. Да и как можно было посадить в салон такой табор цыганский, мокрый, грязный, адекватный ли, вообще? А что стало бы с салоном автомобиля, если в него вошла бы такая толпа, в неописуемом облачении – из дождя и грязи. Нет, богатые авто даже не притормаживали. И всё-таки один автомобиль не проехал мимо. Это была старая вазовская шестёрка. Она затормозила со скрипом, с каким-то неустойчивым равновесием на дороге, закачавшись всем своим весом. Поливала её дождевая вода так, как из ушата льют воду на голову малышам в детской ванночке. И её остановка была как счастье для торопящихся людей, как невозможное чудо. Они разместились по сиденьям, дети на коленях взрослых. Мокрые, взволнованные, беспокойные. И молодой водитель даже не стал делать замечания не очень аккуратным пассажирам его техники. Словно бы послал его на помощь Всевышний.

Таким грязным, мокрым цыганским табором они входили и в салон рейсового автобуса. Лида уже улыбалась Петрову, понимая, что все опасности позади. И они вместе в дороге ухаживали за малышами, которым требовалось постоянное внимание. Дети, кажется, всю дорогу хотели, то есть, то пить, то ходить в туалет писать. И только в конце пути они утомнились и уснули. Петров всё это время был первым помощником Лиды. Сестра её, кажется, так устала из-за болезни, что не поднималась с кресла на протяжении всего движения. Зачем это было нужно Петрову: суетиться, помогать с детьми, тащить узлы скарба Лидиной сестры? По жизни он не был уж таким бескорыстным или сверхотзывчивым. Но что-то вело его к этой помощи: внутреннее ощущение своей необходимости... А что ещё? Было это связано с Лидой... Но не только же жажда приключений двигала его стремлениями. Лида была с ним рядом, смотрела на него не так, как всегда, какой-то огонёк грезился Петрову в её глазах... Потом она ему ещё сказала на ушко: «Знаешь, как я благодарна тебе, мне больше некому было помочь»...

Они приехали, и Петров сопровождал спасённых до Лидиногo общежития. Оставил отдыхать, после таких переживаний не стал отвлекать Лиду от свалившихся на неё забот. А ближайšie дни ей предстояло много дел: сводить на операцию сестру, присматривать за детьми, а потом отправить всю свою родню в Молдавию... Петров ушёл.

На другой день он заявился к Лиде: узнать, как устроились на новом месте спасённые люди. Его подруги не было в комнате. Как сказала Марьяна: ушла куда-то по делам. Но сестра Лиды усадила недавнего своего спасителя за стол, налила чай и стала с ним разговаривать. Зачем-то она завела разговор про сестру.

– Александр, какие у вас отношения с Лидой? Но, мне кажется, она не всё тебе говорит. Зря она так. Я вижу: ты хороший добрый парень. И тебе нравится Лида. Я заметила, как ты на неё смотришь. Но она не свободна... Ты этого не знаешь? Почему она тебе этого не говорит?

– Может быть, просто разговор об этом не заводили...

– Может быть... Но ты знаешь, что она была замужем? Не получилась у неё семейная жизнь. Развелась... Она же тонкая натура, не смогла жить с пьяницей. Но сейчас у неё есть обязательства. За ней ухаживал один человек, друг погибшего нашего отца. Сделал ей предложение. Она долго колебалась, но я знаю, что всё же согласилась. И теперь должна уехать к нему на север. Тебе она ничего не говорила? Может быть, я зря тебе об этом рассказываю. Лида будет меня ругать. Но она не должна от тебя скрывать...

Этот разговор озадачил Петрова. Он точно не знал ничего о Лиде. Да и не спрашивал об этом. В тот раз он не дождался свою подругу. И какое-то время вообще не приходил к ней.

Занимался семинарами, сессиями, зачётами. И развлекался в студенческом общежитии с учащейся братией, чувствуя себя обделённым в судьбе настоящей любовью...

Зашёл однажды. Всё-таки решил прояснить для себя ситуацию. Лида его встретила радостно. К тому времени она уже проводила свою сестру и детей на родину. Была в комнате одна. Стала спрашивать, почему долго не приходил. Она радовалась его приходу.

Но Петров сказал:

– А что приходит? Ты всё равно скоро уезжаешь...

– Да, я знаю, тебе Марьяна сказала... Но я не скрывала, просто ты об этом не спрашивал.

– Да, конечно, я виноват...

– Но я, может быть, ещё не решила: ехать или нет. Да и ты мне о своих планах ничего не говорил.

– Да нет у меня никаких планов.

Лида подошла к нему вплотную, взяла за руку. И глядя в глаза, сказала:

– Хочешь, пойдём сегодня к тебе? Ты же хотел.

Это было неожиданное предложение. Не то чтобы растерялся Петров, но почувствовал какую-то двусмысленность своего положения. И не мог обрадоваться тому, что исполняются его желания, давние мечты, к чему он стремился, встречаясь с Лидой. Теперь это показалось ему чем-то не искренним, не натуральным, не всплеском чувств, как должно бы быть. А словно бы расплатой за услугу. Наверное, желание Лиды было искренним, но какая-то стена образовалась в душе Петрова, не позволяющая принять этот момент за подарок, за дар судьбы, и воспользоваться им по-мужски, как распорядился случай. Вот именно, выглядело это в его глазах, словно расплата за то, что помог в трудной ситуации. И словно бы Лида теперь ему была обязана, должна. И она, только понимая это, соглашается... Только поэтому. Только из-за того, что он помог. Она может сейчас, на какое-то время согласиться быть его, оставаясь в целом душой принадлежать другому. Не виделось в этом обмане – себя ли, другого ли какого-то человека – настоящего, глубоко желаемого. Как-то так понималось, в юношеском максимализме, всё происходящее Петровым. И такого ли он хотел от Лиды?

– Да знаешь, я сегодня как-то не настроен... – промузюкал чуть внятно Петров.

– Подожди, я сейчас зайду к соседке, скажу, что я ушла, и мы пойдём к тебе, – сказала Лида, не слушая, что говорит Петров.

Она выбежала в дверь, оставив его одного. Петров постоял несколько секунд в комнате, потом вышел, покинул общежитие.

И шёл он домой, в свои хоромы, где по всем углам – лики на фотографиях счастливых и красивых мужчин и женщин. В ночном небе сияли звёзды, далёкие, как юношеские мечты о нежных встречах с любимыми. Дорога до его дома, не асфальтированная, в ухабах и кочках, проходила пешком быстрее, чем заканчивалось воспоминание о нескольких днях жизни. Петров что-то бормотал про себя, как немного сдвинутый умом человек, не замечал редких ночных прохожих. И мерещились за частными домами видения, тени, напоминающие силуэты неодетых женщин. Он уходил... Уходил от чего-то важного в своей жизни, не испытав настоящего. Останется об этом неоднозначное впечатление в памяти. Он как бы только очнулся, подходя вплотную к своей резиденции, летнему жилью. В тусклом свете луны видны были травы, росшие по краю тропинки. За сараем и рядом с баней поднималась в рост полынь и крапива. Да, крапива. Он потом будет долго и вспоминать, и называть растение по-гуцульски. Он остановился и машинально разглядывал сорняки, стоящие стеной рядом с баней. И, словно им, этим растениям, он, как заправский сомнамбула, проговорил вслух: «Если бы ты меня любила».

Мир смотрел незаинтересованно на мучающегося Петрова, пребывающего в душевных сомнениях, миллиардами звёзд глазел, пустотой бездонного неба...

Шептала лишь о чём-то урзика, и качала макушками кустикав полынь...

ТРИ СУДЬБЫ

Он толкнул калитку, она не была закрыта, но не открывалась. Слегка приподнимая её, чтобы низ не касался земли, начал толкать вперёд. Да, эта калитка в деревянном заборе требовала ремонта! Обвисли петли, состарился штакетник. Из каких-то советских времен был весь этот забор, кое-где подлатанный новыми досками. Сейчас так уже не живут. Возводят высоченные заборы из полупрофиля. А то и вообще каменные стены с колючей проволокой наверху. Пётр Ильич прошёл в глубину двора частного дома мимо росших чуть не в человеческий рост травянистых растений. Пахло полынью, американской лебедой, крапивой. Что-то до боли знакомое во всей этой частной собственности вдруг показалось пришедшему человеку. Пока он не мог понять, но что-то – глубинам сознания – показалось узнаваемым, таким, словно из прошлой жизни видением, так что сердце отчётливо трепыхнулось в груди. Будто бы узнало нечто близкое, памятное. Но не стал сосредотачиваться на воспоминаниях Пётр Ильич, не стал выуживать сейчас из запасников прошлого что-то общее с этим местом.

Он пришёл снимать дом. Жить стало ему негде на старости лет. Мыкается он последнее время по друзьям, по квартирам, по съёмным домам, не имея постоянного угла. Так по жизни вышло, что пришлось в прошлом оставить семью, дом, детей. Вначале казалось всё это временным, но ничего не бывает таким постоянным, как временное. Теперь он искал очередное жильё: и недорогое и чтобы машину можно было поставить. Вот никак он не приживётся нигде... То одно, то другое не устраивает. На покупку своего жилья денег он не накопил.

Сюда он пришёл по объявлению. Созвонился с хозяином. Предварительно обговорил условия. Внешне, если без придинок к деталям, жильё соответствовало тому, что хотелось. И сейчас он прошёл к двери дома, где на пороге сидел хозяин. Дядя Серёжа, как представился он по телефону, оказался довольно старым и дряхлым мужичком, редкие седые волосы и какой-то потухший взгляд отметил про себя Пётр Ильич. И ещё подумал, что хозяин, наверное, постарше его лет на десять, а может, меньше, ведь многие сейчас мужики выглядят старше своих лет, если жизнь их проходила в тяжёлых буднях труда. Так что изнашивались их лица и тела быстрее, чем в недавнем прошлом.

Сам же Пётр Ильич был довольно моложавым человеком и его шестьдесят с хвостиком ему не давали. Был он подтянут и мускулист, несмотря на последних лет мытарства по жизни.

Дядя Серёжа, встал на встречу пришедшему, опираясь на клюку, повёл, хромя, предполагаемого жильца в дом. И весь сгорбленный вид и хромота его теперь уже точно напомнили Петру Ильичу некоего человека из прошлого, из его жизни, из давнего времени. Так это было всё удивительно, всё совпадающе, что Пётр Ильич покачал головой.

Хозяин показывал, где будет обитать жилец. Отдельная комната. Что и требуется.

Довольно-таки было бардачно в жильё, но это не смущало нового обитателя. К особым условиям он и не стремился. Да и не могло здесь быть по-другому. Редко, как хозяин упомянул, приходит к нему дочь, чтобы навести порядок. За двести рублей ещё соседка иногда моет полы.

Пётр Ильич, осмотревшись, сказал, что всё здесь его устраивает и теперь хочет во дворе поглядеть, где можно будет ставить машину. Ворота, заросшие травой и давно не открывавшиеся, он заметил, как только пришёл.

Дядя Серёжа кивнул головой, соглашаясь с жильцом. И Пётр Ильич пошёл осматривать новое место пребывания. Он заметил: мало убирался двор, весь в некошеной траве. Можно сказать антисанитарный какой-то двор. Редко вообще в дальние углы поместья заглядывали люди. Только тропинка была слегка вытоптана. Вело одно её направление к сараю без дверей. Заглянул в него. Там находились какие-то доски, деревянные столбы, кирпичи, всякая рухлядь. Примечательного ничего не было. Но внутреннее ощущение чего-то знакомого не покидало Петра Ильича. Наконец, он понял, что ему кажется таким невероятно узнаваемым. Хоть и про-

шло невероятное количество лет, но это не забывалось, оставалось в памяти и вот всплыло как светлая полоса бывшей жизни. Да, это всё напоминало тот период, когда он только приехал из глухой деревни в город, осваивать и открывать для себя цивилизацию промышленных пространств. Поселили его, пятнадцатилетнего пацана, родственники в частном доме у одного деда на квартиру. И теперь Пётр Ильич удивлялся тому сходству дяди Серёжи с тем хозяином из прошлого времени дядей Ваней. Конечно, детально внешность он не помнил, но хозяин дома из прошлого тоже был примерно таких же лет, хромал и ходил с палкой, и весь вид его был как у человека, закладывающего «за воротник».

Так он и жил тогда несколько месяцев: в проходной комнате стояла кровать у окна. Это было его место. Напротив комната дяди Вани, закрывающаяся только занавеской, а сбоку, в отдельной комнате, жил Николай, другой квартирьельщик, с женой Стеллой. Это был молодой парень двадцати пяти лет. Как понял Пётр потом, отзывчивый человек, Николай, в какой-то степени являлся просто ангелом-хранителем дяди Вани. Настолько всегда он был готов пойти на помощь старому человеку, бескорыстно, не требуя какой-либо платы, помогал ему по хозяйству и во всём его старческом бытии: покупал продукты, ходил в аптеку. И курировал он таким образом не одного дядю Ваню – ещё один дед был в поле зрения его благотворительности. Зачем он это всё делал? Бог его знает, может быть, он по-другому просто не мог. И так уйдя со старого места жительства от дяди Леши, жившего на соседней улице, Николай всё равно не перестал навещать его, оказывать помощь. Такой уж, наверное, был человек, Николай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.